чувств. Он приводит плач Морозовой, оформляя его в манере старообрядческих надгробных причитаний с народно-поэтическими элементами («седины своя растерзаю над телом его» — л. 209 об.; «крепкии подпоре старости моей» — л. 210) и заимствованиями из литературных источников. Узнав о смерти сына, Морозова сначала лишь «Иовле благодарение возглагола: господь даст, господь и взя». Однако горе матери было слишком велико, чтобы можно было исчерпать его в такой форме, поэтому редактор счел необходимым вложить в уста Морозовой слова, более естественные в таком случае. Вместо непреклонной «исповедницы» предстает просто убитая горем женщина, скорбно вопрошающая: где тело сына ее, который «мене ради, злосчастныя, умре»,[14] желающая лишь, чтобы принесли ей в темницу хотя бы «ризу Иоаннову, яко же древле принесоша братия от пустыни ризу Иосифову ко отцу его Иякову».[15] Но умерший сын ее далеко «чюжих человек руками во гроб полагается и землею покрывается», и обезумевшей от горя матери остается лишь призывать: «плачите ныне со мною, магерию печалною, все матери сынов своих».[16]

С помощью описания плача Морозовой делается попытка психологического осмысления душевного состояния житийного персонажа, отчего образ боярыни становится более простым и жизненным.

Отсутствием достоверных данных, которые можно было получить только на основании полной редакции Жития боярыни Морозовой, не использованной, очевидно, редактором Дружининского списка, объясняется путаница в сообщении о последовательности смерти сестер—Морозовой и Урусовой.

В Житии полной редакции, опубликованной Н. Субботиным, сообщается, что в боровской темнице первой скончалась Евдокия Урусова: «и в таковой нужи великой святая Евдокия терпеливо страда ... и представися сентября в 11 день»[17] 1675 г., а Феодора скончалась «месяца ноемврия с первого числа на второе, в час нощи, на память святых мученик Акиндина и Пигасия»[18] того же 1675 г.

В Дружининской редакции Жития дело обстоит наоборот: «по преставлении же богомудрыя Феодоры, минувшим двум седмицам, преставися и блаженная княгиня Евдокия и тако же вервию тело ея обвиша и вон извлекша и погребоша е в том же острозе близ сестры своея, иноки Феодоры».[19]

Подобное смешение последовательности смерти сестер характерно и для других поздних списков краткой редакции Жития боярыни Морозовой, переписывавшихся более чем через столетие после описываемых в Житии событий.

Так на основе Жития боярыни Морозовой, написанного, как известно, в конце XVII в., в переработках более позднего времени начинают добавляться новые черты в облик одной из виднейших представительниц старообрядчества начального периода его существования. При сохранении общего сурово-аскетического представления о «лике» старообрядческой святой в ее житийной характеристике появляются черты жизненности, естественности и некоторой простоты. Это делало облик и подвиг житийной подвижницы более понятными и близкими читателям.

---

[14] БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 137, л. 209 об.
[15] Там же, л. 210.
[16] Там же, л. 209 об.
[17] Н. Субботин, Материалы..., т. VIII, стр. 196.
[18] Там же, стр. 202.
[19] БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 137, л. 222.